

Иван Васильевич Семилетников в свои 88 лет радуется тому немногому, что оставляет ему время. И верит: всё былое пережито не зря! А пережито немало, ведь Иван Васильевич – фронтовик.

Он встретил меня искренней улыбкой. С лукавым блеском в глазах предостерег:

– Да про меня уже столько писали! Писали даже то, о чём не знал и не говорил.

– А теперь напишем то, о чём расскажете, – отшутилась я.

– Ну, проходите, проходите, – гостеприимно пригласил фронтовик в свой дом. В комнате за стеклом шкафа – близкие сердцу фотографии. Вот Иван Васильевич в кителе с орденами и наградами, вот поздравительный фото-буклет от главы Елизовского района. А эти женщины кто?

– Это мои жёны. С первой женой мы 30 лет прожили, со второй – 28. Обеих рак «съел», и я один остался.

– Тяжело, наверное?

– А когда не было тяжело? Нелегко было с детства. Голод был, ад. И как мы в нём выжили, – до сих пор не знаю.

В школу босиком ходил

Иван Васильевич родился в 1926 году в небольшой деревеньке под Рязанью. В семье девять детей. Девять! Сегодня это кажется невероятным, а тогда было нормой. Всегда голодные, раздетые и разутые.

– Мы с весны по осень не знали, что такое обувь. Я в школу босиком ходил в рубашонке рваненькой и с торбой из холстины. Впрочем, тогда все так жили. Особенно в деревнях, ведь деревня испокон веков эксплуатировалась городом.

После 7 класса Ваня Семилетников поступил в ремесленное училище в городе Скопин Рязанской области. Радость мальчишки была безмерной: тогда вырваться в город из Богом забытой деревни казалось большой удачей. Иван в течение года получал специальность механика врубных машин, и учёба ему давалась легко. Подросток уже представлял, как будет работать в шахте, – оставалось учиться всего год!.. Но началась война...

Какой страх, когда тебе 17 лет?

Занятия в училище прекратились. Но всё-таки мальчишек отправили в шахты на практику. Когда немцы начали подходить к Москве, шахты было решено затопить. А учащихся отправить домой.

Ваня Семилетников и семеро его товарищей-односельчан пешком добирались до родной деревни. 80 километров по незнакомой дороге. Там измученных и голодных ребят, которым, к слову сказать, на тот момент было только по 15 лет, встретили лишь старики, женщины и дети. Мужчины ушли на фронт и деревня опустела. Но родной колхоз поднимать было нужно.

– Крестьянский труд тяжёлый, но мы работали наравне со всеми, – помощи ведь ждать было неоткуда. Два года прошли в поле, пока меня не призвали в действующую армию.

А призвали 7 ноября 1943 года, – в День Великой Октябрьской революции. Для советских людей – это великий праздник, который отмечался даже во время войны. Поэтому никто не предполагал, что именно в этот день ребят могут вызывать в военкомат. Но – вызвали, и тут же отправили на узловую станцию Рязск, за 40 километров от деревни. Так что никаких проводов не было.

До Рязска добирались пешком: там парней уже ждали представители воинских частей, дислоцированных на Дальнем Востоке.

– Страшно, наверное, было уходить на войну? – спрашиваю у Ивана Васильевича. Он лукаво улыбается:

– Нет, страха не было. Да и ка-

кой страх, когда тебе 17 лет? Мы же ещё совсем пацанами были! И не в одиночку ведь ехал, нас целый эшелон собрали. Погрузили в поезд и отправили в неизвестность. Мы полмесяца ехали. Из вагона наблюдали, как навстречу, в сторону фронта, мчались эшелоны солдат и техники. А нас в обратную сторону везли. Ну, ничего, чуть позже и мы дождались своей войны.

каждый понимал, что происходит что-то серьёзное. Да и политработники объясняли новобранцам, какая ситуация сложилась в регионе.

Это было настоящее пекло

В СССР праздновали День Победы! Об этом и о безоговорочной капитуляции Германии Иван Васильевич Семилетников узнал по радио. И был уверен, что немного дослужит и поедет домой. Но ликование и радость сменились тревогой: боевая подготовка становилась все более интенсивной. В середине лета стало понятно: для 22-й Краснозна-

пробивались через перевалы. Когда вышли в долину, увидели дорогу, по которой в сторону города Мулин двигались танки и самоходки дивизии, укрытые брезентом.

При подходе к Мулину батальон разделили на две части. Как только пулемётный взвод, в котором служил Иван Семилетников, двинулся вправо, японцы открыли огонь. Сражение было упорным, но части дивизии городом овладели. А потом, преследуя противника, уничтожали отряды прикрытия и засады, все дальше продвигаясь в сторону Муданьцзяна – крупного промышленного центра, узла дорог и

своей ротой внес посильный вклад в это дело, – улыбаясь, говорит Иван Васильевич.

«В Елизово? – Когда выезжать?»

– И конечно, после окончания войны вы поехали домой!? – интересуюсь у ветерана, не понимая, каким образом он оказался на Камчатке.

– Нет, что ты! Мы ещё полтора месяца пробыли в Харбине, – охраняли хозяйственные объекты. И только потом нас перекинули на Камчатку. Наш 34-й полк застраивал район теперешнего посёлка Чапаевка. Название ему, кстати, дали наши бойцы, и оно закрепилось за посёлком.

Впрочем, тогда это была просто строительная площадка. Здесь требовалось возвести целый комплекс зданий для жизни и учебы. Объём работ колоссальный, но военнотруженики справились. До 1948 года все необходимые здания были отстроены. Хозяйственных забот старшине 9-й стрелковой роты старшему сержанту Ивану Семилетникову хватало, а тут и срок демобилизации подошёл.

Елизовский район в то время только начал формироваться, и молодому муниципальному образованию остро требовались энергичные кадры. Естественно, молодой комсомолец, прошедший испытание огнём, не остался незамеченным. Сначала Ивану Васильевичу предложили занять должность уполномоченного областного комитета радиотелевизионной связи по Елизовскому району. А через какое-то время в Елизово появилось свое местное радио, куда Ивана Васильевича назначили редактором.

– А в 1951-ом году в Елизово начала выходить первая районная газета. Один листок тиражом 800 экземпляров мы выпускали два раза в неделю, – вспоминает Иван Васильевич. – Сначала я занял должность ответственного секретаря, но уже в 52-ом году меня утвердили в должности редактора. Отучился в партийной школе на отделении журналистики в Хабаровске, а когда вернулся, меня отправили в Тигиль.

– И даже не спросили?

– А никто тогда ни у кого не спрашивал. Редакторы газет являлись номенклатурой обкома партии (КПСС. Ред.). Поэтому редакторы, как военные, должны были ехать, куда направляет партия. В моём случае после Тигиля был Усть-Камчатск, затем Елизово. Кстати, когда мне сказали, что есть возможность поехать в Елизово, я только и успел спросить: «А когда выезжать?».

Иван Васильевич с гордостью показывает награду от Союза журналистов России за «Честь, достоинство и профессионализм» – это самая высшая награда, которой может удостоиться журналист. Вот только странно, по крайней мере, мне на глаза не попалась ни одна фотокартонка времён войны.

– Почему, Иван Васильевич?

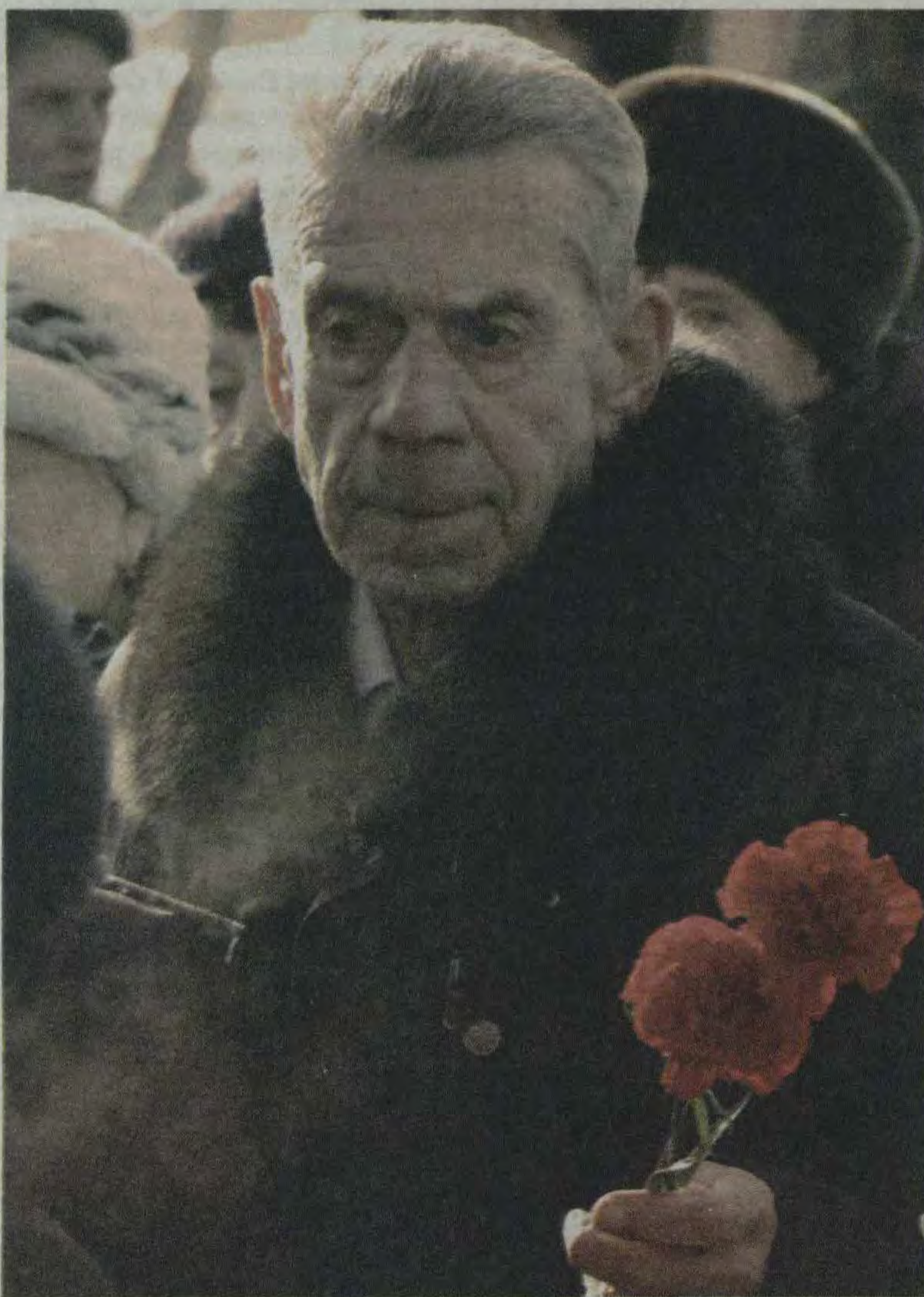
– Так растащили же всё! Брали на время и не возвращали, – вздохнул ветеран.

Теперь только и остались – несколько газетных вырезок и память, которой Иван Васильевич очень дорожит, рассказывая молодым ребятам о том времени, полном лишений и тревоги. И малыши, особенно дошколята, тянутся к ветерану.

– Мне ведь мимо детского сама «Ромашка» пройти нельзя – дети окружают, щебечут. А как какая-нибудь дата подходит, – в гости зовут. И знаете, что интересно? К детям приходишь – и радостно. Смотреть на них радостно: они растут в отличных условиях. А как они поют, как танцуют! Ради этого стоит жить и воевать.

Беседовала Ксения Мухометшина, Фото Веры Ступниковой

Русская пехота – для врагов забота

Ветеран Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., активист 1-го районного Совета ветеранов войны и труда Елизовского района, член Союза журналистов СССР Иван Васильевич Семилетников принимал участие в боях за освобождение Маньчжурии. Награждён орденом Великой Отечественной войны I степени, медалью «За победу над Японией». Проживает в городе Елизово.

До японцев добрались не сразу

Новобранец Иван Семилетников прибыл в Приморский край, где неподалеку от села Богуславка был расквартирован 304-й стрелковый полк 22-й Краснознамённой Чапаевской дивизии. Рядового Семилетникова назначили пулемётчиком-наводчиком в пулемётный взвод 1-й стрелковой роты.

– Боевая учеба началась практически сразу, – вспоминает ветеран. – Почти каждую ночь нас поднимали по боевой тревоге, и мы двигались к границе. Японцы то и дело предпринимали попытки перейти через неё. А мы учились подбивать танки.

– Разве можно научиться их подбивать в небоевых условиях?

– Можно, если лежишь в траншее, а над тобой с грохотом проезжают эти огромные гусеничные машины. Только подрывали мы их деревянными гранатами, а не боевыми. Ещё копали окопы, строили блиндажи и огневые точки.

Всё это было пока учениями, но

мной Чапаевской дивизии победа ещё не наступила.

– 7 августа 1945 года, часа в три ночи, нас повели к границе. До места добрались на рассвете. Там-то начальник штаба и командир полка обратились к личному составу и сообщили, что начинается война с Японией. Уже в ночь с 8 на 9 августа мы перешли в наступление. Кромешной ночью, под проливным дождем, мы перешли границу, заставу которой уже разгромили наши штурмовые роты. Пехотинцы двигались с полной выкладкой: плащ-палатка, сапёрная лопата, скатка и пулемет. Все это тащили на себе через непроходимую тайгу и болота. При этом умудрялись помогать артиллеристам стрелкового полка (две батареи), которые тащили свои пушки-сорокапятки, – вспоминает Иван Васильевич.

– Выходили на чистое место, бросали свои вещи, и возвращались назад, чтобы на верёвках протаскивать пушки. Никакой техники в полку не было, ни одной автомашины! Только лошади и наши плечи. Так и

опорного пункта, прикрывающего подступы к Центральной Маньчжурии. Здесь оборонялись пять японских дивизий, усиленных тяжелой артиллерией и сотнями ДОТов, каждый из них приходилось брать приступом.

– Когда мы дошли до Муданьцзяна, там уже третьи сутки продолжались ожесточённые бои, – вспоминает ветеран. – Наш батальон развернули вправо на северо-восток города, где мы заняли оборону и в течение суток отбивали контратаки противника. Японцы хорошо подготовились: ДОТы были оборудованы даже в подвалах домов! Прицельный огонь велся отовсюду, и это было настоящее пекло.

Тут стоит напомнить, что наиболее значительные силы японской Квантунской армии – до десяти пехотных дивизий – дислоцировались именно на востоке Маньчжурии, граничившей с советским Приморьем, где был размещён Первый Дальневосточный фронт в составе 31 стрелковой дивизии, кавалерийской дивизии, механизированного корпуса и 11 танковых бригад. Так что Иван Васильевич Семилетников действительно попал в самое пекло.

И всё-таки 16 августа Муданьцзян пал. Здесь были разгромлены основные силы пятой японской армии. А 22-я Краснознамённая Чапаевская дивизия, перегруппировав свои силы, двинулась на Харбин. Японцы яростно сопротивлялись, не сдавая без боя ни одного укрепления, ни одной высоты...

Ломая сопротивление вражеских войск, 19 августа советские войска взяли Харбин. А уже 20 августа 1945 года в городе наступила долгожданная тишина.

Между тем, ещё 14 августа японское командование обратилось с предложением о заключении перемирия. Но практически военные действия с японской стороны не прекращались. Лишь через три дня Квантунская армия получила приказ своего командования о капитуляции, которая началась 20 августа. Но и он не сразу до всех дошёл, а кое-где японцы действовали и вопреки приказу.

До окончательного разгрома Японии во второй мировой войне оставалось чуть более 10-ти дней: 18 августа началась завершающая эту войну Курильская десантная операция. И только 2 сентября 1945 года на борту американского флагманского линкора «Миссури», прибывшего в воды Токийского залива, министр иностранных дел Японии М. Сигемицу и начальник Генерального штаба генерал Й. Умеда, генерал армии США Д. Макартур, советский генерал-лейтенант К. Деревянко, адмирал флота Великобритании Б.Фрейзер от имени своих государств подписали «Акт о безоговорочной капитуляции Японии».

– И я вместе со своим взводом и